

21. Малявин В.В. Сумерки Дао. М., 2000. С. 364.
22. Там же.
23. Алексеев В.М. Указ. соч. С. 61.
24. Ухтомский Э.Э. Указ. соч. С. 57.
25. Коростовец И. Указ. соч. С. 7.
26. Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 117.
27. Все о Китае / Сост. Г.И. Царева. М., 2002. С. 531.

ТОТАЛИТАРНАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СССР В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

С.В. Богданов, В.Н. Орлов

TOTALITARIAN POLITICAL SYSTEM AND ECONOMIC CRIMINALITY IN THE USSR IN THE FIRST POSTWAR YEARS

S.V. Bogdanov, V.N. Orlov

Статья посвящена особенностям воспроизводства экономической преступности в СССР в первые послевоенные годы. Автор анализирует причины, способствовавшие увеличению количества зарегистрированных хищений государственной собственности, спекуляции. Исследование содержит статистический материал, характеризующий репрессивную деятельность государства в этот период в отношении расхитителей государственного имущества, спекулянтов.

The article is dedicated to particularities of reproduction of economic criminality in the USSR in the first postwar years. The author analyses reasons which led to increase the number of registered embezzlements of state property and to black marketing. The research includes statistical material, characterizing repressive activity of state in this period due to embezzlers and profiteer.

Ключевые слова:

экономическая преступность, хищения, государственная собственность, спекуляция, злоупотребление служебным положением.

Keywords:

economic criminality, embezzlements, state property, black marketing, abuse of authority.

Проблематика экономической преступности в России в настоящее время продолжает сохранять свою актуальность. Столь пристальное внимание отечественных обществоведов к данному вопросу продиктовано не только конъюнктурным интересом, но и долгосрочной стратегией экономической безопасности страны.

Кроме того, обращение к истории борьбы государства с преступными проявлениями в сфере экономики и управления в первые послевоенные годы позволяет обнаружить целый ряд особенностей. Это также подводит современников к ответу на вопрос: «Каким образом государству в столь сжатые сроки удалось нанести сокрушительный удар по общеуголовной, в том числе и экономической преступности?».

Действительно, в первые послевоенные годы государственными органами страны были предприняты масштабные усилия по противодействию уголовной преступности. Фактически уже к концу 1947 г. удалось сбить вал уголовных преступлений, нанести серьезный удар по расхитителям государственной собственности и спекулянтам. Однако базисные причины воспроизводства экономической преступности скрывались в чрезвычайно жестком каркасе дефицитной советской экономической модели, при этом необычайно бюрократизированной.

Советская власть, потеснив легальное предпринимательство, создала все для ухода его в тень. На самом деле мелкое предпринимательство, в виде пошивочных и сапожных мастерских, фотографических услуг, изготовление кондитерских изделий, оказание различных ремонтных услуг населению, продолжало сохраняться. Эту деятельность государство регламентировало выдачей соответствующих патентов. Однако поставленное в невыносимое с точки зрения налогообложения существование, оно не могло выжить, не будучи втянутым в «теневые» экономические отношения и хитроумные схемы хищений и спекулятивных операций. Именно в эти годы начался процесс сращивания дельцов «теневых» производств, криминального мира и части коррумпированного советского чиновничества.

Деятельность органов БХСС была направлена, в том числе, и на противодействие незаконной предпринимательской деятельности. Однако, несмотря на серьезность наказания, этот вид нелегальной хозяйственной деятельности продолжал воспроизводиться, чутко реагируя на издержки функционирования советской экономической модели, организацию снабжения населения продовольственными и промышленными товарами, а иногда и удовлетворяя растущий спрос более состоятельных слоев населения на дефицитные товары. В этой связи было серьезным упрощением представление о всеисилии сталинского режима в борьбе с экономической преступностью.

Действительно, задавленная тотальным страхом, подавляющей бедностью и поиском внутренних врагов советская повседневность 1930-х гг. демонстрировала снижение преступлений в сфере экономики. Однако уже в годы войны ситуация начала меняться. Хищения, мошенничество, спекуляция пышно произрастали под прикрытием базарной торговли, стихийных «барахолок». Подлинный взлет экономической преступности наблюдался в первые послевоенные годы.

Именно в этот период она окончательно профессионализируется и приспосабливается к тоталитарной государственности.

Итак, попытаемся реконструировать основные события первых послевоенных лет.

Первые послевоенные годы характеризовались всплеском как общеуголовной, так и корыстной хозяйственной преступности. 1945-1948 гг. обнажили весьма неприглядную грань советской действительности – значительный рост всех видов уголовной преступности. За первый послевоенный 1946 г. в СССР было зарегистрировано органами внутренних дел 1014274 преступлений. Это оказалось почти на 20% больше, нежели в 1945 г. В 1947 г. этот показатель неуклонно возрастал – зарегистрированных преступлений оказалось уже 1234377. Прирост в сравнении с 1945 г. составил чуть более 46% [1].

Города вновь стали будоражить известия и слухи о дерзких ограблениях сберегательных касс, коммерческих магазинов, складов, нападениях на инкассаторов [2]. Это становилось приметой послевоенной жизни как крупных городов, так и советской глубинки.

Весьма тревожной тенденцией послевоенной преступности являлось втягивание в ее ряды молодежи от 16 до 21 года и подростков. При этом около 68% попадавших на скамью подсудимых молодых людей ранее не привлекались к уголовной ответственности. Среди привлеченных в 1946 г. несовершеннолетние составили 43%. Этой возрастной категорией, по сообщениям органов внутренних дел, совершались преимущественно, кражи, грабежи, хулиганские действия, реже убийства [3].

Только за первые два весенних месяца 1949 г. в городах СССР было зарегистрировано 399 преступлений, которые совершали лица без определенных занятий и места жительства [4]. В настоящее время уже невозможно сказать, сколько из них совершили преступления из острой нужды, а, сколько преступлений приходилось на долю профессионального криминалитета.

Криминализации советского общества способствовали следующие факторы:

массовое передвижение эвакуированных, демобилизованных, репатриантов и так далее; амнистия некоторых категорий заключенных по отдельным уголовным статьям в связи с победой над Германией; наличие у населения большого количества огнестрельного оружия, оставшегося со времен войны, что способствовало появлению вооруженных банд.

Первые послевоенные годы характеризовались также и ростом экономической преступности. После войны резко увеличилось количество совершенных хищений (на 16% в 1946 г. по сравнению с 1945 г.) [5], а также случаев спекуляции (на 40,4% в 1946 г. по сравнению с 1945 г.) [6].

Спекуляция стала характерной чертой повседневной жизни советских городов в первые послевоенные годы. Милицейские сводки с мест фиксировали постоянный рост этого вида преступлений. Так, например, если в третьем квартале 1946 г. правоохранительными органами Ленинграда и Ленинградской области было возбуждено 100 дел по данному составу, то в четвертом квартале таких уже было 236 дел, в первом полугодии 1947 г. этот показатель уже составил 480 уголовных дел [7].

Дефицит и явная нехватка продуктов питания создавали питательную почву для всевозможных махинаций с продуктовыми карточками. Пользуясь слабым контролем со стороны руководителей предприятий, учреждений и домоуправлений, карточных и контрольно-учетных бюро, уполномоченных по выдаче карточек, а иногда и руководители этих самых организаций, включали в списки на получение карточек вымышленных лиц. Получали на них карточки и сбывали их на рынках или отваривали в магазинах и спекулировали потом продуктами. Для наведения порядка и усиления контроля за выдачей карточек проводились проверки партийными организациями при участии милиции [8].

Так, например, только в октябре 1946 г. за перепродажу продовольственных карточек в Ленинграде сотрудниками органов внутренних дел было задержано всего 2 387 граждан, из них 58 предъявили обвинение по соответствующей статье УК РСФСР [9].

Активизировалась на данном направлении и работа органов внутренних дел. В соответствии с приказом МВД СССР от 6 сентября 1946 г. органами милиции за 3 месяца (октябрь–декабрь) было задержано на рынках страны за куплю и продажу карточек 66793 человека, из которых привлечено к уголовной ответственности 10063 человека.

У привлеченных к уголовной ответственности изъяли: карточки и талоны на хлеб и другие продукты – 424566 (в переводе на хлебопродукты (в тоннах) – 4952); карточки и талоны на питание – 126146; на промтовары – 330940; денег – 5109316 руб.; других ценностей – 2952365 руб. Кроме того, практически повсеместно органы милиции фиксировали широкое распространение изготовления и сбыта фальшивых карточек [10].

По мере обострения продовольственных сложностей в стране основным объектом преступных посягательств становилось продовольствие. С осени 1946 г. органы внутренних дел СССР стали фиксировать увеличение различных преступлений в отношении государственного и колхозного имущества: от разбоев и грабежей до должностных подлогов и хищений [11].

Министр государственного контроля СССР Л.З. Мехлис 3 августа 1946 г. направил довольно объемное (56 стр.) письмо И.В. Сталину и А.А. Жданову «О разбазаривании колхозной собственности руководителями ряда партийных организаций». В заключении он писал: «... Размеры беззаконий допускаемых в отношении колхозной собственности многими партработниками столь велики, что часто партийный аппарат не в состоянии занять принципиальную позицию в отношении лиц, разбазаривающих колхозную продукцию» [12].

Согласно информации Генеральной Прокуратуры СССР, в ноябре 1946 г. было

привлечено к уголовной ответственности за хищение зерна 5407 колхозников, в том числе в Саратовской области – 517 граждан, Харьковской – 410, Днепропетровской – 365, Курской – 363, Херсонской – 318, Московской – 261, Воронежской – 197, Запорожской – 185, Великолукской – 147, Могилевской – 106, Кировоградской – 109. Всего в названных областях по возбужденным прокуратурой уголовным делам смогли выявить хищение 830 т зерна [13].

В целом, осенью 1946 г. было осуждено за хищение хлеба 53369 человек, из них 36670 человек (74,3%) приговорены к лишению свободы. По закону от 7 августа 1932 г. осудили 1146 человек, из них 35 человек приговорили к расстрелу. Много осужденных по такого рода делам было в Красноярском и Ставропольском краях, в Башкирской АССР, Ростовской, Рязанской, Саратовской, Киевской, Харьковской, Одесской областях [14].

Огромное влияние на осложнение криминальной обстановки оказал голод 1946-1947 гг., охвативший практически всю страну. В этих условиях самым распространенным видом преступлений стало хищение хлеба. Судами за 10 месяцев 1946 г. было рассмотрено 93 уголовных дела, связанных с хищением хлеба из системы «Заготзерно» в количестве 5591 кг. Только за второе полугодие 1947 г. в Астраханской области было изъято у преступников 20848 кг хлебопродуктов [15].

Большую долю уголовных преступлений дали хищения государственного хлеба. К концу 1947 г. в тюрьмах и лагерях было примерно 80 тыс. человек, осужденных по Закону от 7 августа 1932 г., и 300 тыс. человек отбывало наказание по указам от 4 июня 1947 г. [16].

К 1947 г. на территории страны практически половину всех совершаемых уголовных преступлений составляли различные кражи и хищения – 49,2% от всех зарегистрированных преступлений [17].

В целом по СССР число хищений всякого рода имущества выросло в 1947 г. относительно 1946 г. на 43,7%. Случаи бандитизма, разбоя и грабежа в 1947 г. были в 2 раза чаще, чем в предыдущем. Примечательно, что 32,7% краж было совершено женщинами. Среди расхитителей в 1947 г. коммунистов и комсомольцев было в 2 раза больше, чем в 1946 г. Собственно уголовная преступность носила отчетливо выраженную социально-классовую окраску. По всем видам правонарушений доминировали самые низкооплачиваемые группы трудящихся – рабочие и колхозники [18]. При этом усиливавшаяся идеологическая риторика по поводу сознательности и нетерпимости коммунистов и комсомольцев к любым проявлениям хищений государственного и общественного имущества оказывалась довольно слабым аргументом для многих представителей «авангарда» рабочего класса.

Помимо хищений, серьезный вред общественной собственности наносили различные хозяйственные преступления: злоупотребление властью руководством предприятий, разбазаривание имущества и т.д. С такого рода преступлениями боролись всевозможными методами, в том числе экономическими, законодательными и, конечно же, репрессивными, отдавая предпочтение последним. Не только в высших руководящих кругах, но и в юридических существовало мнение, что мягкая уголовная ответственность ведет к разгулу преступности в стране. И Министерство юстиции РСФСР ориентировало суды на ужесточение мер наказания.

Официальная пропаганда в анализе причин сохранения преступности в СССР по-прежнему придерживались старой мифологемы – «наследия прошлого». Приведем наиболее типичное объяснение этому негативному явлению в жизни советского общества. Вот что было опубликовано в одном из номеров журнала «Пропаганда и агитация» за 1947 г. «В нашей стране паразитический образ жизни нетерпим, является преступлением. Отдельные паразитические элементы в нашем обществе – это носители гнусных привычек и пережитков капитализма, чуждых нашему обществу, глубоко противоречащих морали советского человека и правилам социалистического

общешития. Именно такие пережитки капитализма в сознании людей, как эгоистическое стремление жить за счет других, отлынивание от честного труда, стремление к легкой наживе, моральная нечистоплотность к своему общественному долгу, пренебрежение общественными, государственными интересами ради своих корыстных личных интересов и так далее порождают такие преступления, как кража, расхищение социалистической собственности, спекуляция, растрата государственных и общественных средств, подлоги, взяточничество, мошенничество» [19].

Безусловно, официальная пропаганда в совокупности с жесткими репрессивными санкциями делали свое дело. Формировалась особая атмосфера неприятия проявлений стяжательства, мешанства, рвачества. На уровне массовой психологии отчетливо прослеживалось крайне негативное отношение к богатству. И тем не менее послевоенное советское общество постепенно расслаивалось, становилось все более дифференцированным и разобщенным. Это не могло не закладывать объективные основания для воспроизводства преступности в недрах советского социума.

Первые послевоенные годы характеризовались всплеском как общеуголовной, так и корыстной хозяйственной преступности. Значительно увеличилось количество совершенных хищений (на 16% в 1946 г. по сравнению с 1945 г.) [20], а также случаев спекуляции (на 40,4% в 1946 г. по сравнению с 1945 г.) [21].

Как это уже стало традицией для идеологической машины советского государства, объяснение причин оживления корыстной преступности шло по традиционной схеме. В частности, в газете «Правда» от 17 сентября 1945 г. отмечалось: «... в отдельных неустойчивых людях пробудились низменные чувства, стремление к наживе, к личному обогащению за счет чужого труда. Такие люди, пренебрегая общественными интересами и своим гражданским долгом, не занимаясь общественно-полезной деятельностью, становились на путь преступлений, нанося моральный и материальный ущерб государству и народу» [22].

Спекуляция стала характерной чертой повседневной жизни советских городов в первые послевоенные годы. Милицейские сводки с мест фиксировали постоянный рост этого вида преступлений. Так, например, если в третьем квартале 1946 г. правоохранительными органами Ленинграда и Ленинградской области было возбуждено 100 дел по данному составу, то в четвертом квартале таких дел уже было 236, в первом полугодии 1947 г. этот показатель уже составил 480 уголовных дел [23].

Объективными причинами для повсеместного разрастания спекулятивных сделок являлась существенная разница между ценами на товары в государственной торговле и на колхозных рынках. Не случайно количество зарегистрированных преступлений по обвинению в спекуляции в 1947 г. составило 4,3% от всех зарегистрированных органами милиции преступлений. Всего же за период с 1945-го по 1948 г. число преступлений, связанных со спекуляцией возросло на 59,3% [24].

Спекуляция дезорганизовывала снабжение населения продовольственными и промышленными товарами, а также порождала другие более опасные виды преступлений. Население, пострадавшее во время тяжелейших военных лишений, остро реагировало на вновь оживившуюся спекуляцию, хищения государственного и общественного имущества. По мнению известного советского правоведа А.А. Пионтьковского, послевоенная разруха порождала множество соблазнов для должностных хищений [25].

Карточная система и запрещение хлебной торговли создавали благоприятные условия для обогащения расхитителей и «теневиков». В то время как в колхозах учитывался каждый килограмм зерна, на черный рынок оно текло рекой. Крупные поставки товара для спекулятивной торговли обеспечивались за счет разворовывания государственного и колхозного зерна. Так, во время голода 1946–1947 гг. на ниве государственной собственности укреплялась инфраструктура и обогащались дельцы «теневого» рынка.

В стихийную торговлю, многочисленные спекулятивные сделки были вовлечены самые разнообразные слои населения. В справке прокурора группы по делам несовершеннолетних при Генеральном прокуроре СССР младшего советника юстиции Преображенской о состоянии детской безнадзорности и борьбе с нею в городе Москве отмечалось следующее. Всего во втором полугодии 1945 г. правоохранительными органами в столице за торговлю было задержано 9146 несовершеннолетних, что составило чуть более одной трети от всех задержанных за различные правонарушения детей [26].

Таким образом, целенаправленные меры государственных и правоохранительных органов привели к тому, что уже к 1948 г. уровень преступности в стране снизился достаточно ощутимо – на 34,7% [27].

В послевоенный период также начали появляться первые нелегальные цеховые производства, которые нацелены были на извлечение прибылей посредством выпуска наиболее дефицитных товаров (мыла, одежды, обуви, предметов домашней обстановки). Сырье для производства данной продукции, как правило, похищалось из государственных предприятий. Поэтому этот вид деятельности вряд ли можно назвать положительным примером предпринимательства. Таким образом, закат тоталитарной эпохи знаменовал зарождение профессиональной экономической преступности в СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344-347.
2. Там же. Д. 199. Л. 1169-185.
3. Там же. Д. 234. Л. 20-50.
4. Там же. Д. 235. Л. 349-355.
5. Там же. Д. 497. Л. 344-347.
6. Там же.
7. ОСФ РИЦ ГУВД СПб и ЛО (Отдел специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области). Д. 16. Л. 1; Д. 17. Л. 13; Д. 18. Л. 2; Д. 19. Л. 2.
8. ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 95. Л. 54.
9. ОСФ РИЦ ГУВД СПб и ЛО. Ф. 1. Д. 135. Л. 236.
10. ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 95. Л. 54.
11. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 168. Л. 411-434.
12. ГА РФ. Ф. 8300. Оп. 24. Д. 5. Л. 82.
13. ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3407. Л. 59.
14. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 1614. Л. 99-102.
15. Федин С.А. Деятельность милиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1945-1953 гг. (На материалах Нижнего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2007. С. 16.
16. ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3890. Л. 150.
17. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344-347.
18. ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 14. Л. 20-32.
19. Пропаганда и агитация. 1947, № 21. С. 39.
20. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344-347.
21. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344-347.
22. Правда. 1945. 17 сентября.
23. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО. Д. 16. Л. 1; Д. 17. Л. 13; Д. 18. Л. 2; Д. 19. Л. 2.
24. ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 98.
25. Пионтковский А.А. К вопросу о причинах преступности в СССР и мерах борьбы с нею // Советское государство и право. М., 1959. № 3. С. 93.
26. ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 2322. Л. 17-25.
27. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 20-50.